

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
А65

Jack Anderson
The Grief Doctor

Copyright © Jack Anderson, 2024.
Published by arrangement with 42 M&P Ltd

Школа перевода
В. Баканова

Андерсон, Джек.

А65 Безнадежный пациент / Джек Андерсон ; [перевод с английского О. Э. Акопян]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Ток. Пациент. Психиатрический триллер).

ISBN 978-5-04-202108-4

Когда его любимая жена внезапно умерла, Артур Мейсон чуть не сошел с ума. Теперь он постоянно думает о самоубийстве. Патологическое горе захватило его с головой, изменило психику, превратило в другого человека. Традиционная психотерапия не помогает. Но существует альтернативная...

Доктор Элизабет Коделл — уникальный специалист. Она владеет загадочной клиникой на уединенном острове у берегов Уэльса, где по собственной методике исцеляет самых безнадежных пациентов. В этой клинике строгие правила: здесь может находиться лишь один пациент. Услуги доктора Коделл астрономически дороги, но стоят того. Убежденный близкими, Артур ступает на землю острова, чтобы снова стать самим собой. И не подозревает, что здесь ему придется противостоять не только своему горю...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-202108-4

© Акопян О.Э., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

В общем, меня попросили кое-что написать. Доктор объяснила, что ничего особенного не нужно, ни стихов, ни высокой прозы – лишь правдиво изложить события того дня. Кратко, своими словами и, что особенно важно, в моем восприятии времени.

Я сказал себе, что это будет просто и даже объективно. Вооружившись блокнотом и шариковой ручкой, я уже представлял четкий список по пунктам. Примерно как в отчетах о происшествии, которые я составляю по работе: всего-то нужен листок бумаги и полчаса времени.

Это моя седьмая попытка. Прошло три часа, на полу восемь исчерканных страниц. Теперь я осознаю, что рискнул бороться с чем-то, что гораздо сильнее меня. С сущностью, которая, как я думал, с годами почти исчезла, а на деле лишь затаилась в тени. И вот, вернувшись в прошлое, я вновь с ней столкнулся, и она грубо напомнила мне о своих истинных масштабах. Очередная попытка заканчивалась провалом. Я был в растерянности, однако понимал, что винить, кроме себя, некого.

И лишь несколько минут назад, когда я уже подумывал бросить все к черту, мне пришел в голову новый подход. Мысль возникла из ниоткуда, сверкнула, слов-

но искра волшебства в колдовском вареве недоумения и отчаяния, подсказав тот самый недостающий элемент, который мог бы сделать зелье прозрачным.

К моему изумлению, идея сработала. Дело сразу пошло на лад. Ручка, медлившая над каждым словом, теперь выводила строчку за строчкой с уверенностью поезда, скользящего по рельсам. Знаете, в чем разница между этой и предыдущими семью попытками? На сей раз я решил обращаться непосредственно к тебе.

Ненавижу говорить о себе. Скучные события, изложенные столь же скучным рассказчиком. Но всякий раз, когда, встречая меня вечером, ты спрашивала про мой день, я замечал, с каким неподдельным вниманием и благосклонностью ты слушаешь. Будто я непостижимым образом способен увлечь тебя так же, как ты меня. Благодаря тебе даже в самых моих обычных днях находились истории. Одно лишь твое присутствие непостижимым образом наполняло меня желанием о них поведать.

Пожалуй, стоит начать с желтого бумажного квадрата. Вы наверняка такие видели. Седьмое июня, на часах скоро полночь. Я смотрю на желтый квадрат, который стоит в нашем доме на каминной полке, и меня придавливает странная тяжесть. Почти каждый вечер я сижу здесь, поникнув плечами, хрипло дыша и не сводя с бумажного квадрата красных заплаканных глаз.

Я не могу его убрать, но и отвернуться не решаюсь. Мучительная безысходность приковала меня к дивану в нашей гостиной, и я сижу там, не в силах отвести глаза, одинокий и полный обиды.

Я остаюсь в таком положении до тех пор, пока меня не одолевает спасительное забытие. Я ощущаю прикосновение прохладной итальянской кожи и с облегчением проваливаюсь в дремоту. Через мгновение я уже крепко сплю.

Воздух прохладен и свеж. Ветерок легко касается рук и шеи. Франция. Воды озера Анси плещутся о борт небольшой учебной шлюпки. Я люблюсь божественно красивым зрелищем: ярко-синим небом и величественными облаками. Беспорядочно хлопает белый холщовый парус – неисправимый романтик, он откликается на любой порыв ветра, всякий раз надеясь, что это всерьез и надолго.

– Помнишь, что ты сказал? – доносится до меня. – Когда я призналась, что меня не учили ходить под парусом?

Я медленно выдыхаю, отрываюсь от созерцания неба и скольжу взглядом вдоль мачты, пока мои глаза не встречаются с твоими. Ты сидишь на носовой части и, глядя на меня с улыбкой, отвечаешь на свой же вопрос:

– Ты сказал, что родители меня *подвели*.

– Господи, – смущенно фыркаю я, стыдясь слов, которые ляпнул в молодости. – И это не заставило тебя бежать от меня подальше?

– О нет, эффект получился прямо противоположный. Я решила, что моя миссия – заняться твоим образованием.

– Любопытно, – смеюсь я. – И как, получилось?

– А бог его знает, – хихикаешь ты, качая головой. – Спросишь, когда я закончу.

Я налегаю на румпель, мы плавно поворачиваем вправо, ловя ветер, и наконец парус вздувается. Несколько недель я трудился не покладая рук, чтобы разгрести все дела и выкроить несколько драгоценных выходных. За редким исключением я ночевал прямо в офисе, ящик стола ломился от чистых рубашек, календарь пестрел от многочисленных напоминаний о встречах, назначенных на девять вечера. А я мечтал о том дне, когда мы соберем сумки и отправимся вместе на озеро Анси, и это станет наградой за все мои мучения.

– Как ферма? – спрашиваю я, когда ты отворачиваешься от переднего паруса и смотришь на меня.

– Посреди всего этого? – Ты обводишь рукой окружающий пейзаж. – Предлагаешь говорить о ферме?

– Да. Как прошел твой последний рабочий день?

– Ну... – задумываешься ты. – К нам приезжали две школы. Мы с детьми лепили из глины и рисовали. А некоторые из ребят захотели попробовать себя в пчеловодстве! Я была сражена наповал! Считается, что дети боятся пчел, но, по-моему, в половине случаев мы просто проецируем на них свои страхи. Ребята были в восторге от ульев! Колонии, мини-сообщество. Я предложила открыть кружок пчеловодства для средних классов. Кэрол, естественно, зарубила мою идею.

– Мы не любим Кэрол, так?

– Мы ее ненавидим. Именно она не разрешила своему ребенку ходить на гимнастику.

– Точно, теперь вспомнил.

– Ладно, это все мелочи, главное в другом...

Я устраиваюсь поудобнее и люблюсь тобой, слушая рассказ, наслаждаюсь твоей манерой говорить. Как ты разрезаешь воздух ребром ладони, подчеркивая свои мысли. Как ты с готовностью защищаешь людей, с которыми едва знакома. Одни яркие эпизоды дополняются другими, и твой день превращается в бескрайнее цветистое полотно.

И вдруг я спокойно и без сожаления вспоминаю: до озера мы так и не добрались. Мы слишком закрутились на своих работах, перенесли поездку на следующий год, погрязли в круговерти близких дней.

Осознав эту мысль, я начинаю просыпаться. В последние мгновения ускользающего сна я стараюсь запечатлеть твой облик. Ты живая, из плоти и крови: ироничная улыбка, перед которой невозможно устоять,

облако непослушных волос, и глаза, такие искренние и озорные, не просто выражают счастье, а сами его источник! Я смотрю на тебя и чувствую, что люблю так же сильно, как раньше.

Сквозь жалюзи пробиваются первые лучи рассвета, и я подскакиваю с дивана. Дышать тяжело, сердце стучит молотом, виски бешено пульсируют, но я с благоговейным трепетом пытаюсь запомнить каждый момент сновидения. Меня переполняет радость.

Мой взгляд останавливается на желтом бумажном квадрате на каминной полке. Его размеры тридцать два на тридцать один сантиметр. За прошедшие восемь месяцев я практически поселился под ним, утонув в скорби и теряя рассудок. И все же, когда я заново прокручиваю в голове наши реплики и интонации, с которыми они были произнесены, мне даже не нужно смотреть на каминную полку.

– Артур?

Слышу свое имя и понимаю, что замечтался. Я витаю в облаках с тех пор, как проснулся. В хмельном состоянии эйфории я принял душ, оделся и поехал к психотерапевту. Я ощущаю то же самое даже сейчас, глядя в окно ее кабинета на третьем этаже, за которым виднеются одинаковые белые домики элитного лондонского района Белгрavia. Я неспешно поворачиваюсь на голос, прикидывая, стоило ли идти на сегодняшнюю сессию.

– Вы улыбаетесь, – делает, несомненно, ценное наблюдение доктор Данн.

– Это... – Я лихорадочно подыскиваю нужные слова. – Это было потрясающе! Я ее видел, говорил с ней, словно все происходило на самом деле! Я помню совершенно отчетливо. Такое ощущение, будто она...

Я умолкаю, чувствуя за вежливой улыбкой молчаливое предостережение. Словно доктор Данн видит мое счастье, но не разделяет его.

– Это же хороший признак, да? – уточняю я, сомневаясь, что на мой вопрос можно ответить иначе.

– В целом, да, – осторожно отвечает она. Доктор Данн подбирает слова с тщательностью сапера, идущего по минному полю. – То, что вы видели Джулию, – само по себе прекрасно. Я за вас очень рада. Я лишь хочу быть уверена, что мы с вами готовы. Сейчас вы на подъеме, и это чудесно. Однако наша конечная цель – не зашкаливающие эмоции, а уравновешенность. Случился большой внезапный сдвиг, но, видите ли, мне бы не хотелось, чтобы вы себя перегрузили.

Я озадаченно смотрю на нее с дивана. Не понимаю, как вообще можно такое говорить. После того, как она восемь месяцев наблюдала мои непрерывные страдания, призывать к сдержанности, когда я наконец-то све-чусь от восторга?! Нелепо!

– Я справлюсь, – говорю я, с удивлением отмечая резкость, с которой прозвучал мой ответ.

– Что ж, прекрасно, – тактично произносит доктор Данн. – Могли ли вы узнать, о чем вы беседовали?

Я с удовольствием погружаюсь в воспоминания, радуясь возможности еще раз повторить наш разговор. Несмотря на то, что сессия была тем же утром, мне пришлось с удвоенной силой цепляться за бесплотный сон: детали разговора утекали, словно песок сквозь пальцы. Одни я смог вспомнить, а другие канули в омут забвения.

– Да так, ни о чем особенном, – улыбаюсь я, внутренне холодея от страха. – Неважно.

Два часа спустя я лихорадочно строю, низко склонившись над рабочим блокнотом. Я твердо вознамерился зафиксировать каждое слово, которое было произнесено нами в том разговоре, каждую интонацию, все, что я увидел и ощутил.

С тех пор, как водитель забрал меня от доктора Дани и привез в офис, все становилось только хуже. Остаток утра я разгребал текущие дела, одновременно пытаясь удержать в памяти наше свидание из сна. Вскоре образовался сводящий с ума порочный круг: мои рабочие задания прерывались мыслями о тебе, а те, в свою очередь, прерывались звоном бьющегося фарфора.

Я стараюсь переложить свой сон на бумагу, проклиная себя за тупость. Ну почему я не записал его раньше? На что рассчитывал?

– Артур?

Поднимаю глаза. На меня внимательно смотрят двадцать человек в костюмах. Я на совещании. В сером зале, где проходят заседания правления, пахнет новым ковром и маркерами для белой доски. Во главе длинного стола стоит дама в сшитом на заказ костюме и ждет ответа на вопрос, который я, естественно, не слышал. Я что-то мямлю, оглядывая помещение в поисках возможных подсказок, но вижу лишь непонятные схемы на экране и вполне понятное раздражение в обращенных ко мне глазах.

– Как я уже сказала... – с нажимом произносит дама.

Вжимаюсь в кресло. Чувствуя, как пылают щеки, отвожу глаза и рассматриваю небо Кэнари-Уорф¹. Мгновением позже перехватываю несколько взглядов, обращенных в мою сторону: одни сочувственные, другие презрительные (которых с каждой неделей становится все больше).

Один из присутствующих заглядывает в мой блокнот, и я инстинктивно поддвигаю его к себе. Смотрю

¹ Кэнари-Уорф – деловой квартал в восточной части Лондона.

на страницу, исчерканную безумными каракулями, и мне становится стыдно и неловко. Кстати, со своей задачей я, по-моему, справился: составил подробный пересказ нашей беседы. И тем не менее, глядя на каждую реплику, я вижу лишь слова на странице.

Незаметно наступает вечер. Через мои руки неослабевающим потоком проходят бланки заявок, счета-фактуры, заказы на выполнение работ – и так весь день. Сновидение пока со мной: где-то в глубине души еще тлеют последние угольки воспоминаний, согревая ее слабеющим теплом.

Интересно, как это будет, когда они совсем остынут, и мне останется принять, что наше мимолетное воссоединение в прошлом, а впереди зияющая пустота неотвратимого будущего? Экран компьютера гаснет, готовый при малейшем поводе снова ожить. Я понимаю, что, в отличие от экрана, у меня такого повода нет, и больше не задаю себе никаких вопросов.

В ночи я возвращаюсь домой пешком. Тихая, неспешная прогулка завершается возле каминной полки. Я смотрю на квадрат из желтой бумаги с неожиданным спокойствием. Беру его в руки. Аккуратно вынимаю оттуда виниловую пластинку. В центре на этикетке черным маркером витиеватыми буквами выведено название: «Песня для Артура». Открываю запылившуюся крышку нашего проигрывателя, кладу пластинку на опорный диск. Опускаю иглу на наружный край и, услышав тихое шипение первых секунд записи, чувствую, как на меня снисходит спокойствие. Я уже начал забывать, как звучит твой голос.

Привет, Артур! Раз уж ты просил меня ее записать, что ж, я так и сделала. С днем рождения! И не вздумай

передать это музыкальным продюсерам, ладно? Ну, поехали...

Из динамиков раздаются первые робкие аккорды на укулеле, постепенно выстраивающиеся в мелодию. Я упиваюсь этими звуками и выворачиваю ручку громкости, чтобы мелодия заполнила собой всю комнату.

*Небо за окном в свинцовых тучах,
День от ночи сложно отличить.
И погас наш счастья светлый лучик,
Рвется нас связующая нить.*

С чувством мрачной решительности я иду к шкафчику на кухне и достаю оттуда бутылку виски и стакан. Щедро лью в стакан янтарный напиток.

*От тебя осталась тень от тени,
От меня – лишь редкие звонки,
Сложно жить, когда живешь без цели,
Одиноко таешь от тоски.*

Я роюсь в кухонных ящиках, нахожу неоткрытую упаковку таблеток и выдавливаю из блистера все. Таблетки со стуком падают на мраморную столешницу. Я говорю себе, что поступаю правильно – ведь это единственный способ хоть как-то приблизиться к тебе.

Из комнаты доносится твой голос. Ты поешь для меня припев:

*В холоде асфальта и бетона,
Задыхнувшись в каменном мешке,*

*Позови меня, и я напомним,
Что от моря мы невдалеке.*

*Позови меня, и я напомним, милый,
Что от моря мы невда...¹.*

Я прихожу в себя под душем. Сижу полуголый, подтянув колени к груди, а сверху на меня хлещет вода. От раковины отколот огромный кусок. Серебряная мельница для соли сломана надвое, на крышке вмятина, половина содержимого рассыпана по залитому водой полу. Осколки разбитого вдребезги стакана поблескивают в луже блевотины.

На бачке унитаза лежит трубка беспроводного городского телефона. На ней мигает сигнал пропущенного звонка. Песня на пластинке автоматически начинается снова, но сквозь приглушенную мелодию, звучащую в гостиной, до меня неожиданно доносится грохот шагов по наружной лестнице. Я слышу, как вышибают входную дверь и в наш дом врываются люди.

Я выкрикиваю, что на полу стекло, и сползаю по стенке вниз. Моя голова упирается в бортик душевой, спина сторблена, дыхание прерывистое, красные глаза полны слез. Поток воды из душа резко прекращается, и в наступившей тишине отчетливо слышен твой голос, который рвется ко мне из темноты, отдаваясь эхом в квартире:

*Позови меня, и я напомним, милый,
Что от моря мы невдалеке...*

¹ Текст песни в переводе О. Акопян.

12 АВГУСТА

Глава 2

– Так, что у нас дальше? Защита окружающей среды, безусловно, была первоочередной задачей. И теперь, когда нами выполнено большинство юридических обязательств, мы наняли независимого эксперта для разработки среднесрочной и долгосрочной программы подъема «Ретивого». Мартин, пожалуйста, следующий слайд. Спасибо.

Неспешный рабочий день, мы в конференц-зале Б обсуждаем, как продвигается спасение «Ретивого». По залу проносится возбужденный шепот – судя по датчикам, установленным на ближайшей буровой вышке, судно стало жертвой *блуждающей ямы*¹. Это явление встречается крайне редко в международном судоходстве, и «Ретивый» стал одним из немногих кораблей, которым «посчастливилось» столкнуться с фатальной напастью.

¹ Блуждающая яма («дыра в океане») – необычайно глубокие впадины между двумя волнами средней величины. Провалившись в подобную «дыру» носом или кормой, судно может зарыться в толщу воды и мгновенно затонуть, а оказавшись своими оконечностями одновременно на двух соседних гребнях – разломиться надвое.

Если волна-убийца¹ достигает в высоту двадцать пять метров и более, блуждающие ямы представляют собой прямо противоположный феномен. Они возникают как внезапный провал, с огромным перепадом высоты в сравнении с гребнем волны, за которым прячутся. Увидеть блуждающие ямы в штормовом море практически невозможно. Яма, которая потопила «Ретивый», стала заметна, лишь когда судно вдруг резко нырнуло в темную бездну, унеся с собой жизни тридцати трех членов экипажа.

Оставаясь наедине с собой, я постоянно думаю об этих тридцати трех несчастных. Я представляю отчаяние и мучительный ужас, который они испытали. Хотя по долгу службы мне следовало бы скорбеть, в первую очередь, об утрате судна.

Слайды, посвященные подъему корабля, проходят мимо моего внимания. Молодая женщина в дорогом костюме подробно описывает их содержимое. Во главе стола стоит Майра Стюарт-Милл: тугой пучок, уверенные, точные жесты. Она комментирует изображения поврежденного груза. Пять лет Майра работает моим помощником, но ни для кого не секрет, что она жаждет занять мою должность и проявляет такое служебное рвение, о котором мне остается лишь мечтать. Она добровольно исполняла мои обязанности, пока я уходил в отпуск, а во время моего недавнего отсутствия подняла вопрос о том, чтобы взять эти задачи на себя окончательно. Видимо, я произвожу впечатление никчемного человека.

– Часть груза обнаружена на океанском дне почти в сотне километров от места крушения, – комментиру-

¹ Волна-убийца – название блуждающих по океану аномальных волн, которые способны поглотить практически любое судно. В отличие от предсказуемого цунами или шторма, блуждающая волна возникает внезапно как гигантский водяной вал, готовый утопить все на своем пути.

ет Майра зернистую аэрофотографию. – Что указывает на необходимость расширения радиуса поисковых работ, если мы хотим вернуть все. Как бы то ни было, отмечу положительный момент: согласно предварительной оценке, бо́льшая часть партии не пострадала. Следовательно, мы не зря потратим усилия...

В стеклянную дверь конференц-зала вежливо стучат. Не дожидаясь ответа, внутрь заглядывает пожилая дама. Волосы цвета перца с солью уложены в аккуратные локоны, на спокойном лице выделяются живые синие глаза, которые добавляют молодости и энергии ее благородно стареющим чертам. Дорогое синее пальто, на локте кожаная сумка – как будто дама посетила наше собрание лишь на минуту, по пути на выход из офиса.

– Прошу прощения, мне нужно переговорить с Артуром. – Она улыбается сидящим в конференц-зале тепло, но без заискивания. – Вы уже заканчиваете?

– Конечно! – Майра шелестит бумагами, понимая, что это не вопрос, а скорее приказ. Если она и раздражена перебивкой, то умело скрывает свои эмоции.

– Перед тем, как мы разойдемся, – неожиданно раздаётся за столом, и все головы резко поворачиваются влево.

Начальник одного из отделов, грубоватый верзила, выпускник престижного Итонского колледжа, с телом мощного здоровяка и неожиданно мягким голосом обращается лично ко мне:

– Я только хотел сказать... Артур, ты снова с нами. Позволю себе от лица всех нас поприветствовать тебя. С возвращением и... ты молодец, приятель! Ты молодец!

Оратор начинает громко хлопать, но быстро останавливается, так как аплодисменты никто не поддерживает. Его руки безвольно опускаются на стол.

– Ну что же, – продолжает Майра Стюарт-Милл, – полагаю, нам придется организовать еще одно собрание

по этому вопросу. Впрочем, всем пора возвращаться к работе. Мартин, будь добр, согласуй расписание и сделай общую рассылку.

Все присутствующие кивают, выражая согласие, и почтительно отступают к двери. Дама в синем пальто проходит в зал. Останавливается возле панорамного окна и смотрит на Кэнари-Уорф, ожидая, пока помещение за ее спиной опустеет.

Наконец дверь закрывается за последним вышедшим, и я встаю из-за стола.

– Только у меня мало времени, – предупреждаю я, нерешительно подходя к окну. – На час дня я записан к доктору Данн.

– Вот я глупая! – восклицает она, не обращая никакого внимания на мои слова. – Ну почему мне не дали кабинет *на этой* стороне здания!

– Я думал, начальство может поменять кабинет когда угодно.

– Нет. Это уже излишество, – отмахивается дама. – Мне нравится, что отсюда видно наше старое здание. Вот, гляди. Видишь?

Она указывает в окно, задавая невидимую линию, которая видна только с ее угла зрения. К счастью, в течение жизни мне неоднократно показывали Добни-Хаус, и хоть я там ни разу не был, однако с легкостью могу отличить выстроенное в семидесятых офисное здание на противоположном берегу Темзы. Зажатое между двумя более крупными, недавно отремонтированными корпусами, Добни-Хаус смахивает на легкое курильщика: некогда красный кирпичный фасад почернел от грязи, окна безобразного едко-желтого цвета.

– Твой дед водил нас туда, когда мне было... лет семь, пожалуй. Мы поверить не могли, что все четырехэтажное здание целиком принадлежит ему. Помню, мы с тво-